

ЭКСТРИМ И ПРОБЛЕМА «КРИЗИСА СМЫСЛА»

Рассмотрена роль спонтанной экстремальной деятельности как одного из способов устранения «смыслового вакуума» современной технической цивилизации. Используются методы сравнительно-исторического анализа. Раскрыта роль и значение экстремальных переживаний в формировании экзистенциальных смыслов личности. Проблема состоит в том, что кризис смысла в современной техногенной цивилизации заключается в противоречии между органической природой человека направленной на внутренне целостную деятельность и технической организацией общества, основанного на внешней машинной целесообразности, в которой человек не может выступать как самоцель. Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что спонтанная экстремальная деятельность является одним из важных социально приемлемых видов преодоления смыслового кризиса личности, позволяющего обрести целостность, гармонию и в целом улучшить психологическое здоровье индивида. Кроме того, экстремальные виды деятельности позволяют более гармонично социализироваться и интегрироваться в социальные группы.

Ключевые слова:

литературный герой, лицев, революционер, сословная культура, учебное заведение.

Тимофеев А.И., Кузнецова В.В., Чудаев М.Е. Экстрим и проблема «кризиса смысла» // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 4. – С. 110–115.

© Тимофеев Александр Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург; e-mail: vkwlad77@gmail.com

© Кузнецова Вера Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург; e-mail: vkwlad77@gmail.com

© Чудаев Михаил Егорович – кандидат исторических наук, доцент, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им.П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург; e-mail: vkwlad77@gmail.com

Современная культура, существующая в рамках техногенной цивилизации, порождает ряд проблем антропологического характера. Одной из таких проблем является дефицит смысла существования. Как отмечают швейцарские исследователи Виртц У. и Цобели Й., «Кризис смысла стал важнейшей проблемой современности. Сегодня многие сомневаются в том, что в этом мире вообще можно найти смысл. Человека грекоримской античности вдохновляла надежда на ценность личной свободы и вера в свои способности и возможности, человек Средневековья уверенно чувствовал себя в лоне церкви, в мире ее незыблемых догм и ритуалов, а сегодня коллективная неуверенность приобрела такие масштабы, что Фромм назвал ее «болезнью столетия», а Франкл ввел такое понятие, как «экзистенциальный вакуум». Если мы теряем ценности, наполняющие смыслом нашу жизнь и наше умирание, то мы все больше ощущаем пустоту и бессмысленность. С тех пор, как Ницше заявил, что «Бог умер» и было потеряно чувство сопряженности с божественным мирозданием, отношение человека к миру расстроено. Современный человек выпал из системы связей между бытием и миром, придающей смысл его существованию; он запутался в сложных проблемах своего существования, стал одиноким и неприкаянным» [4, с. 57–58].

Кризис смысла в современной техногенной цивилизации объясняется прежде всего противоречием между органической природой человека ориентированной на внутренне целесообразную целостную деятельность и технической, по сути, организацией общества, основанного на внешней машинной целесообразности в которой отдельный человек не может выступать как самоцель. Эта проблема была очень выпукло сформулирована еще Н.А. Бердяевым и он выделил ряд ее аспектов. Во-первых, начинает превалировать внешняя целесообразность в деятельности человека: «Человека нет, есть лишь функции человека. Но это распадение человека на те или иные функции есть прежде всего порождение технической цивилизации... Техническая цивилизация требует от человека выполнения той или иной функции, и она не хочет знать человека, она знает лишь функции» [2, с. 327]. В современной социологии это распадение на отдельные функции трактуется в рамках ролевой теории личности. Во-вторых, человек начинает пониматься как вещь среди других вещей и в структуре вещных отношений, при этом личностный момент деградирует. Это наглядно представляется в современном искусстве: «В футуризме погибает человек как величайшая тема искусства. В футуристическом искусстве нет

уже человека, человек разорван в клочья. Все начинает входить во все. Все реальности в мире сдвигаются с своего индивидуального места. В человека начинают входить предметы, лампы, диваны, улицы, нарушая целостность его существа, его образа, его неповторимого лика. Человек проваливается в окружающий его предметный мир» [1, с. 135]. И, в-третьих, речь идет о том, что когнитивный момент преобладает, а переживания, порождаемые деятельностью самого человека практически отсутствуют и люди живут прежде всего рассудком, а не сердцем. Постоянное присутствие *cogito* порождает эмоциональную неангажированность субъекта. Бердяев пишет, что «Прежде всего, исчезает сердце как целостный и центральный орган человеческого существа, как носитель человеческих чувств» [2, с. 327].

Это касается не только сферы экономики, но и повседневной жизни. Мир повседневности – это мир удовлетворения потребностей, которые в современном мире также опосредованы обществом как мегамашиной. Благодаря этому повседневность существует как внешним образом регламентированный порядок со своей рутинной, тривиальностью, стабильностью. Повседневная жизнь представляет собой машиноподобную деятельность, нацеленную на практический результат. Здесь отдельные люди взаимозаменяемы, поскольку в такой деятельности индивидуальные различия необходимым образом должны быть вынесены за скобки, поскольку человек здесь тоже во многом понимается как машина.

Современный человек для того, чтобы избежать смыслового «выгорания» ищет такие формы деятельности, в которых он как личность был бы реализован наиболее полным образом и в которых отсутствовало обезличивание. Одной из таких форм является спонтанная экстремальная деятельность, в которой присутствует экстремальная ситуация, которую создает сам субъект, чтобы созерцаемыми переживаниями интегрировать внутренний опыт и тем самым придать смысл своему бытию.

С внешней точки зрения поведение экстремалов кажется нерациональным, небезопасным, они часто подвергают себя смертельному риску без всякого видимого смысла. Однако действие нецелерациональное с точки зрения предметной полезности, становится целесообразным с точки зрения внутренней душевной осмысленности. В связи с этим приведем одно важное замечание Ф.Е. Василюка: «Во многих описаниях процессов пережи-

вания их главной целью считается достижение непротиворечивости и целостности внутреннего мира, а все остальные цели рассматриваются как промежуточные. По мнению многих авторов, защитные процессы служат именно интеграции Я. Потребность Я в синтезе, гармонии, целостности признается часто самостоятельным мотивом психологической защиты и компенсации в психоанализе» [3, с. 53]. Здесь важно иметь в виду, что категория целостности тождественна категории смысла. При этом следует отметить, что целостность имплицитно означает смысл, служит его антицедентом, а не наоборот [5, с. 409–512]. Проблемность духовной интеграции на уровне когнитивной идентичности заменяется интеграцией субъекта на уровне переживания и на основе этого созерцания внутреннего единства субъекта.

Анализируя переживание, следует отметить, что переживание есть то, что непосредственно противоположно отсутствию личностного смысла. Переживание надо связывать с категорией смысла, то есть с тем, что в жизни осознается как ее идеальная целостность. Это имеет место, поскольку идеальная целостность жизни должна необходимо соотноситься с некоторым онтологическим целым, так как субъект опосредует целостное содержательное отношение с собой отношением с целостным объектом.

Следует отметить, что в нашей современной рационалистической культуре сложилась традиция рассматривать отношение переживаний и смысла в основном с точки зрения смысловой регуляции психических состояний. При этом когнитивные смыслы понимаются как основания, а психические состояния как следствия. Следует обратить внимание, что существует и обратное действие. Переживание и созерцание как форма чувства, становясь целостным и единым, опосредует и единство смысла. Можно сказать, что реально имеется взаимодействие переживания, смысла и созерцания. Ранее упомянутые Виртц У., Цобели Й. пишут об этом так: «Для размышления о смысле, для каждого разворачивания и описания структуры смысла, для каждого переживания смысла отправной точкой становятся наши ощущения (*Sinne*). Наше тело – это средство, с помощью которого мы переживаем смысл. Смысл (*Sinn*) соотносится с нашим воплощением, с тем, как мы «пребываем-в-мире», как существа, состоящие из тела, души и духа. Это выражается, прежде всего, в нашем жизнеощущении, которое

проявляет себя через органы чувственного восприятия (Sinnes-organe): как мы чувствуем себя «в своей шкуре», «радуемся ли мы солнцу», когда просыпаемся по утрам (кречмеровское описание «пикников»), или мы еле встаем, чтобы с трудом вновь исполнять свои обязанности. Поэтому смысл не стоит измысливать (ср. Лао-цзы: «Смысл, который можно изобрести, не является истинным»), а нужно переживать его через телесные ощущения, с помощью чувственного восприятия, связывающего нас с внутренним и внешним миром» [4, с. 57–58].

Такое состояние достижимо в определенных видах деятельности, в частности, в экстремальной спортивной деятельности. Поскольку, как отмечает А.О. Прохоров, деятельность и смысл связаны имплицативным отношением: «В отличие от сферы знаний и умений, смысловые образования не поддаются непосредственному произвольному контролю. Включенность смысловых образований в породившую их деятельность и неподвластность этих образований непосредственному произвольному контролю составляют их важнейшую особенность. Их кардинальное отличие от таких существующих на поверхности сознания образований, изменяющихся непосредственно под влиянием вербальных воздействий, состоит в том, что трансформация смысловых образований всегда опосредована перестройкой самой деятельности субъекта» [9, с. 26].

Вопрос о соотношении экстремальных переживаний (пик-переживаний) с концепцией ценностей, смысловой ангажированностью и темой самоактуализации личности первым стал исследовать А. Маслоу. Он указывал на значимость пик-переживаний в процессе самоактуализации личности, но у него спонтанная экстремальная деятельность не является осознанным и желательным средством для определенных трансформаций субъекта. Пик-переживания толкуются, скорее, как некоторый счастливый случай, который позволяет понять экзистенциальные смыслы [7, с. 191–264].

Работа А. Маслоу, посвященная пик-переживаниям впервые вышла около пятидесяти лет, за это время понимание роли пик-переживаний в ценностной и смысловой ориентации личности существенно углубилось. Прежде всего, пик-переживания стали соотносить не столько с религией, сколько с различными видами спонтанной целенаправленной деятельности, такими как, например, спорт.

Так, современные исследователи Э. Ярлес и Ж. ван Лойтелеа в статье, которая посвящена анализу рекреативного значения пик-переживаний, в первую очередь обращают внимание на то, что бесконечный смысл существования возникает не в результате когнитивных мыслительных операций, а именно в результате активной деятельности. Они пишут: «Появляется внутреннее чувство осмысленности, подобное получению «послания», обнаружению направления или смысла жизни; бывает слышен голос, обращенный к человеку» [11, с. 224]. Это внутреннее чувство осмысленности существует параллельно с чувством того, что все объединяется, что сам человек и мир приобрели внутреннее единство.

В переживаниях экстремалов все конечные смыслы сводятся в некоторое единство бытийного смысла. Это дает ощущение жизни в целом, во всей ее широте и силе. В связи с этим, в качестве примера, следует отметить сделанный Х. Песколлер, анализ, взаимодействия переживания, созерцания и смысла в таком виде экстремального спорта как бейс-джампинг. Вопрос личностной достоверности понимается у нее как результирующий и при этом связывается с особенностями времени как формы внутреннего созерцания субъекта. Рассматривая эту взаимосвязь, исследовательница пишет: «Перехода из состояния самой чистой радости на границе с бессознательным в состояние свободного парения и нерешительности, прыгуны обретают невероятную трезвость и ясность сознания в момент ожидания того, как пройдет приземление. Во время этого ожидания происходит безудержное падение вниз. Это самый невыносимый момент в прыжке, говорит Ханнес Арч, он длится всего полсекунды, но кажется вечностью» [8, с. 50]. Думается, что ясность сознания здесь можно истолковать как возникшую в результате пик-переживаний целостность, а значит и чувство субъективной осмысленности личного бытия.

Таким образом, субъект через трудную, но внутренне целостную экстремальную деятельность вновь обретает то, чего он лишается в техногенной цивилизации, он получает возможность интегрировать себя. Невозможность внутренней личностной интеграции на уровне когнитивной идентичности заменяется интеграцией на уровне созерцания и переживания. При этом следует отметить, что такая смыслообразующая деятельность приводит к формированию определенной системы ценностей значимых для данной категории

людей, определяющей в значительной степени как императивы поведения, так и модель окружающей реальности.

Ценностная ориентация субкультуры экстрима реализует, по сути, противоположное обществу потребления направление. Речь не идет о том, что она носит протестный характер, поскольку там нет ориентации на какие-то общественно значимые или политические ценности. Здесь, скорее, можно говорить об альтернативности, о том, что человек, хотя бы на время, пытается реализовать другие смыслы своего личного бытия, отличные от смыслов потребляющей цивилизации.

Эта субкультура не имеет вещного, предметного характера в том смысле, что ценность вещей не является об ее формообразующей, сущностной, хотя при этом очевидно, что ни одна культура не существует без материальной основы. Однако обладание вещами здесь не является самоцелью – они служат, прежде всего, средством самореализации определенных экзистенциальных смыслов. Ценными для представителей этой субкультуры являются определенные переживания, дающие возможность иметь внутренний опыт постижения собственной субъективной целостности, а значит и осмысленности личного бытия.

Такие переживания, соотносящиеся с внутренним ощущением собственной свободы, позволяют включить созерцательно-образное восприятие реальности так или иначе подавляемое в условиях техногенной цивилизации. Это, в свою очередь, дает возможность «увидеть» в окружающей действительности ее целостность и бесконечность. Поскольку в субкультуре экстрима снят предметный характер ценностей, постольку они выступают как функциональные отношения по преимуществу. Таким образом, свобода, не как осознанная необходимость, а как воля, как внутренняя спонтанность также является значимой ценностью для экстремала.

Анализ экстрима и смыслообразующей деятельности экстремалов, на наш взгляд, требует введения в исследование термина «актуализация бесконечности». Термин «актуализация бесконечности» выражает стремление индивида наделить смыслом свое существование и через осознание смысла принять как социальную, так и природную реальность, которая дает ему ощущение целостности.

В современной культуре доминирует клиповость, фрагментарность восприятия. Средства массовой информации обрушивают на обывателя, как извест-

но, потоки информации, которые в значительной степени формируют картину мира, характеризующуюся отсутствием детерминированных связей. В связи с чем стремление обрести целостность определяется потребностью обретения смысла. Отсюда следует, что смысловой круг замыкается в том случае, если когнитивные и эмоциональные послы другим субъектам и природе как объекту воздействия и изменения, созвучны ему, отзываются и реагируют на его послы.

Осознание актуальной бесконечности может быть дано индивиду в процессе социализации и инкультурации. В качестве примера можно привести религиозное воспитание, которое предполагает особый порядок обретения индивидом смысловой глубины бытия. Вера дает, например, представления о вечной жизни и вечном блаженстве. Актуальная бесконечность возможна через принятие нравственных ценностей и нравственных идеалов. Которые наделяют смыслом каждое движение души и рождают чувство глубочайшей моральной удовлетворенности. «Социум и природа могут так гармонизировать друг с другом в смысловом принятии индивидом окружающей действительности, так и находиться в состоянии диссонанса. При этом следует отметить, что в любом случае социум погружен в природу, и если социум в индивидуально-смысловом плане не принимается, то поиск актуально-бесконечных смыслов переносится на природу» [10, с. 137].

Культура XIX–XX веков дает индивиду опыт ограничения своего существования временными рамками. Ситуация «смерти Бога» оставляет индивида наедине с самим собой. Вопрос о том, как жить в мире, в котором нет Бога, становится чрезвычайно актуальным для мыслителей XX-го столетия. Ограничение своего существования взаимодействием с другими людьми и отсутствие непосредственной эмоциональной близости с другими, одиночество в толпе переживается весьма непросто. Городская техногенная среда формирует человека замкнутого на себе, вынужденного подавлять свои истинные эмоции («держат лицо») и ограничивать себя минимумом межличностных взаимодействий. Современные молодые люди, довольно часто, находясь, казалось бы, в ситуации межличностного взаимодействия. Все свое внимание сосредотачивают на социальных сетях, эмоционально не включаются, создавая иллюзию подлинного присутствия. Тело рядом, все остальное в социальных сетях.

Одиночество, отсутствие эмоционального сопереживания, приводит к переживанию «метафизического страха», и, как следствие, поиску таких сфер деятельности, которые дают ощущение подлинности, то есть, открывают возможность новых ярких переживаний, возможность эмоциональной близости в процессе общих, например, экстремальных переживаний. «Эти негативные переживания, этот страх заставляют индивида искать способы включения себя в бесконечность, ее актуализации, то есть, другими словами, он стремится замкнуть на себя когнитивным и эмоциональным образом свои отношения с миром. У человека появляется стремление найти в отношении к другому момент отношения к себе. При этом, актуальная бесконечность будет существовать уже не как преднайденная, а как продукт собственных духовных усилий индивида» [10, с. 138]. Поиск смысла приводит человека к поискам единения с природой, как с той реальностью, которая дает переживание целостности и открывает возможность постижения актуальной бесконечности.

Современный социум дает человеку такой уровень комфорта, который лишает его элементарных переживаний. Человек не испытывает чувство голода, а знает, что и сколько раз ему надо поесть, не испытывает удовольствия от своего здорового тела, а знает, что ему надо выглядеть таким образом, какой ему диктует реклама, СМИ. Навязанные желания преследуют современного обывателя, создавая некую иллюзорную реальность, имеющую только конечные смыслы. Природа же предоставляет человеку массу возможностей для того, чтобы он почувствовал себя живым, эмоционально включенным, переживающим и живущим в «контакте» с бесконечностью. Очень ярко характеризует такого рода переживание путешественник-экстремал Ф. Конюхов: «Не будучи в океане, я так бы и прожил жизнь, не видя настоящего, бесподобного восхода солнца. А какое очищение снисходит при утренней заре. Оно лечит тело и возвышает душу. И ты вдыхаешь беспредельность. Многие ли из людей нашей России позволили себе такие блага, как дышать беспредельностью. Я знаю, что мои слова и размышления о беспредельности приводят людей в недоумение» [6, с. 731–732]. Это «здесь» и «там» для мировосприятия экстремалов очень характерно. Здесь, в экстриме, есть свои собственные реализованные желания и мощные переживания бесконечного смысла бытия, дающие личностную целостность и гармонию,

напротив, в повседневной жизни обезличенный смысловой *standard package*.

Вместе с тем, бесконечность природы снимает метафизический ужас. Индивид, обретая целостность как природное существо, через природу обретает Вечность, тем самым открывая для себя актуальную бесконечность. Именно поэтому экстремалы, те, которые действительно рискуют жизнью, очень часто обращаются к природным стихиям, сознательно уходят от социальной жизни. Это либо стихия воздуха, стихия огня, воды, земли. Те сферы природной среды, состязание с которыми и принятие которых дает мощное личное переживание. Следует заметить, что зачастую эти состязания со стихиями природы связаны с уровнем развития современной техники и технологиями, которые позволяют человеку приблизиться к могуществу природных стихий.

Созерцание актуальной бесконечности определяет по иному и смысл риска. Рискованные действия экстремалов по иному ценностно окрашены. Для экстремала ощущение грани, не есть стремление к смерти, а именно данное пограничное поведение качественно изменяет личностное восприятие и тем самым повышает ценность жизни. «В экстриме смыслом жизни становится борьба за жизнь, и без этой борьбы данный человек не чувствует этого смысла. Здесь смыкаются и непосредственное самочувствие, и созерцаемая самодоверенность, и когнитивный уровень идентичности» [6, с. 110].

Современное безопасное общество стремится предусмотреть возможные риски, снизить их и это правильно, чем более развито общество, тем в большей степени оно способно обеспечить безопасность своим гражданам. Самая страшная опасность – смерть. Поэтому постепенно в современной культуре сформировались способы сокрытия смерти, ее как бы и нет, а страх остается. Помимо страха возникает и ее неприятие, поскольку в обществе утрачены механизмы примирения со смертью. Такую возможность дает религия, а светское общество предпочитает уходить от этой темы. «Напротив, если смерть представляется индивиду заключительным аккордом созерцания полноты собственного бытия, то риск становится осмысленным и ценным, поскольку он дает ощущение эмоциональной полноты бытия» [10, с. 160]. Именно поэтому необходимо обратить внимание на то, что риск для экстремала имеет особый смысл в системе его ценностей, рискованное поведение дает в данном случае импульс духовному преображению.

Достигнутое в экстриме состояние актуальной бесконечности связывает личность в некоторую целостность, дает подлинное переживание, единства с окружающей реальностью. Таким образом, все три фактора дегуманизации в техногенной цивилизации, обозначенные Н.А. Бердяевым, благодаря спонтанной экстремальной деятельности устраняются. Это в конечном итоге, ведет к восстановлению осмысленности человеческого существования.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- спонтанная экстремальная деятельность является одним из важных социально приемлемых видов преодоления смыслового кризиса личности, позволяющего обрести целостность, гармонию и в целом улучшить психологическое здоровье индивида;
- открывает уникальные возможности для самоидентификации;

– экстремальные виды деятельности позволяют более гармонично социализироваться и интегрироваться в социальные группы;

– очевидно, что субкультура экстремального спорта является реальной альтернативой распространению алкоголизма и наркомании в молодежной среде, как говорится в одном из фольклорных произведений экстремалов: «мы потесним алконавтов и нариков, мы прогрессивно – безбашенный класс...»;

– сегодня число экстремалов быстро растет, они превращаются в значимое социальное явление, поэтому с ними необходимо налаживать эффективные взаимодействия, поскольку общество к экстремалам относится неоднозначно;

– экстремальные виды деятельности в социуме выполняют ряд функций, тем самым поддерживая стабильность социокультурной системы.

Список литературы:

- [1] Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
- [2] Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 318–362.
- [3] Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 200 с.
- [4] Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла: Человек в экстремальных ситуациях: Пределы психотерапии. – М.: Изд-во Когито-Центр, 2012. – 328 с.
- [5] Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности. // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. – М., 1975. – С. 409–512.
- [6] Конюхов Ф.Ф. Все птицы, все крылаты // Конюхов Ф., Конюхова И. Все птицы, все крылаты. (Конюхова И. А. Триста лет и три года жизни. Конюхов Ф.Ф. Все птицы, все крылаты). – М.: ЯУЗА, ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 421–740.
- [7] Маслоу А. Религия, ценности и пик-переживания // Маслоу А. По направлению к психологии бытия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 191–264.
- [8] Песколлер Х. Мгновения невозможной свободы // Международный журнал исследований культуры. – 2011, № 3(4). – С. 45–52.
- [9] Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 352 с.
- [10] Тимофеев А.И., Кузнецова В.В. Душа экстремала и мир экстрима (Философско-антропологические аспекты спонтанной экстремальной деятельности). – СПб.: Издательство РХГА, 2014. – 261 с.
- [11] Ярлнес Э., Лойтелла, ван Ж. Терапевтическая сила пиковых переживаний, воплощение старой идеи Маслоу // Телесная психотерапия. Бодинамика. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – С. 214–239.